

Способы выражения притяжательности в сербских народных говорах на фоне аналитизации

София Милорадович

Сербский язык, как и все остальные балканские языки – славянские и неславянские, – обладает особым инвентарем аналитизмов. Сербский язык как целое относится к периферии балканского языкового союза (по Гельмуту Шаллеру – это балканские языки так называемого второго ранга), а в его юговосточных говорах замечается «eine stärkere ‘Balkanisierung’ als im übrigen Sprachgebiet», как указывал Гельмут Шаллер.¹ «Тенденция» сербских народных говоров к аналитическому способу выражения выявляется в достаточно широком круге явлений.² Аналитические феномены можно разделить на те, которые встречаются в западных сербских народных говорах и, одновременно, в определенной степени являются и характерным свойством сербского стандартного языка, и на те, более многочисленные аналитические явления, которые в большей

1 См. Schaller, Helmut, *Die Balkansprachen. Eine Einführung in die Balkanphilologie* (Heidelberg, 1975), pp. 103, 105. Шаллер имеет в виду под этой языковой областью, правда, то, что тогда считали сербскохорватским языковым пространством.

2 См. Милорадовић, Софија. Дијахрони и синхрони аспект аналитичких појава у српским народним говорима // Зборник Матице српске за славистику. Нови Сад, 2007. № 71–72. С. 357–375.

степени характерны для сербских говоров, не вошедших в основу стандартного языка. Однако, в некоторых сербских диалектах существуют и определенные явления, которые сами собой не являются аналитизмами, но которые достаточно впечатляюще свидетельствуют о своеобразной тенденции некоторых сербских народных говоров к аналитизму, то есть к созданию – на некотором последующем этапе – предложных конструкций, лишенных падежной флексии.

При рассмотрении аналитических феноменов в сербских говорах я опиралась на следующие предпосылки: аналитические конструкции являются одним из средств структурно организованной речи, в первую очередь в области способа выражения определенного грамматического отношения с помощью перифрастических форм вместо флексивных. Грамматикализуемые значения получают свои регулярные и унифицированные экспоненты. В многоязычных областях Балкан в целом и в сербском языке в частности (и особенно в его народных говорах) находят свое выражение такие тенденции к обеспечению большей «прозрачности» формальной структуры, обусловленные необходимостью упрощения коммуникации, то есть – необходимостью упрощения языковых средств. Процесс аналитизации является существенным для языковой структуры, а по способам и результатам «структурной метаморфозы» он в определенном смысле идентичен в балканских и современных западноевропейских языках.³

Когда мы говорим об особенностях сербских народных говоров с точки зрения языкового аналитизма, необходимо сначала установить определенные рамки: работа над подобными темами затруднена из-за недостаточного количества исследований и описаний синтаксиса народных говоров, а это может привести к тому, что обобщающие синтетические работы могут получить эпитет поспешных. Синтаксические сведения, в основном, предоставляются побочно, в лучшем случае в качестве дополнения к исследованиям, которые обрабатывают морфологические системы определенных народных говоров. Таким образом, для целей данной статьи я рас-

³ См. *Ивић, Павле*. Балкански језички савез и лингвистичка географија // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 2002. № XLV/1–2. С. 10.

смотрела все существенные диалектологические монографии и исследования, особенно тексты, которые в них были предоставлены, а сведения из существующей литературы – не смотря на то, что они не были обыденно скромными, имея в виду, что речь идет о двух ярко выраженных явлениях – дополнены в некоторых случаях и моими полевыми материалами.

На этот раз я выделила (1) **выражение принадлежности (в широком смысле) с помощью предлога *od*** и (2) **обобщение при-субстантивного притяжательного датива** как синтаксического и семантического эквивалента беспредложного притяжательного генитива. Таким образом, в работе речь пойдет о двух способах выражения категории притяжательности в сербских народных говорах,⁴ причем они представлены на фоне анализизации. Цель работы, таким образом, показать, как лингвистическая география может помочь в установлении результатов и механизмов аналитических процессов в сербском языковом пространстве, и направления их движения.

Когда речь идет о первом способе высказывания притяжательности – с помощью предложно-падежной присубстантивной конструкции (*od* + Г/ОП) – очевидно речь идет о результате действия аналитических процессов, о чем еще в середине предыдущего века писал Галлис: «Ich bin deshalb geneigt zu meinen, dass die Tendenz zum Gebrauch von *od* statt einfachen Genitivs, um Eigentums- und Zugehörigkeitsverhältnisse auszudrücken, im Serbokroatischen und in den übrigen slavischen Sprachen, wo sie vorkommt, als ein Glied der allgemeinen Entwicklung von synthetischem zu analytischem Sprachtypus, die so charakteristisch für die indoeuropäischen Sprachen ist, angesehen werden muss».⁵ Данные из нескольких сербских диалектов указывают на двойственность происхождения аналитических процессов,

4 Производные прилагательные (притяжательные прилагательные) с суффиксами *-ov* и *-in* не будут рассмотрены на этот раз как конкурентные именным фразам с генитивом/дативом, а их употребление в сербских народных говорах является неоспоримым.

5 Arne Gallis, "Gebrauch der Präposition *od* statt des Genitivs des Eigentums oder der Zugehörigkeit im Serbokroatischen," *Scando-Slavica* 1 (1954), p. 34.

результатом которых является распространение генитивных притяжательных конструкций с предлогом *од*.

Второе явление, которое будет рассмотрено, основывается, по моему мнению, на особой направленности отдельных центрально-сербских народных говоров к аналитизму, о чем свидетельствует установление притяжательного датива существительного как полного синтаксического и семантического эквивалента беспредложного притяжательного генитива в одном переходном косовско-ресавском говоре (говор Парачинского Поморавия), обозначая одно переходное звено в «цепи постепенности», в которой следующее звено – создание конструкции с предлогом и нейтрализованной дативной флексией. В связи с этим, важно сказать, что А.Н. Соболев отмечал, что для установления важных фактов и процессов в истории балканославянских языков нужен «новый источник информации по истории балканославянских языков» и при этом предлагал в качестве такого источника сербохорватские народные говоры контактных зон и говоры так называемой переходной косовско-ресавской зоны. Затем он высказал и причины такого предложения: «Именные системы этих говоров, представляя как бы различные ступени перехода к аналитизму (от момента его зарождения до практически полной его победы), являются несомненно важнейшим источником для своего рода ‘типологической’ верификации результатов исследования истории падежной системы говоров, отраженных памятниками средневековой балканославянской письменности».⁶

⁶ Соболев А.Н. Сербохорватская диалектология и изучение истории балканославянских языков // Сборник Матице српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1989. № XXXII/2. С. 221–222. Соболев тоже указывает, что говоры косовско-ресавского диалекта можно считать переходными от говоров с синтетическим склонением к говорам с аналитическим склонением, или наоборот. Специфическое, до недавнего времени неизвестное науке положение дел в так называемом переходном говоре Парачинского Поморавия отражает в определенном смысле «переломный» момент.

I

В первом случае речь идет о распространении конструкции с предлогом *od* для выражения значения принадлежности и в тех случаях, где в стандартном языке является привычным беспредложный генитив или притяжательное прилагательное. В виду имеется именно преобладание одного члена оппозиции *беспредложный посессивный генитив* (в чередовании с притяжательным прилагательным): *посессивная генитивная конструкция с предлогом od* (за исключением лексикализованной формы для обозначения родства типа *брат od тетке*), что никак не исключает употребления первого из приведенных оппозиционных членов.

Особая экспансия притяжательной *od*-конструкции отмечена на периферии сербского диалектного пространства, на крайнем юго-западе и крайнем северо-западе, то есть там, где возможно значительное влияние соответствующих структур в контактных неславянских языках. Так обстоит дело в некоторых зетско-сьеницких говорах и в говоре екавцев Лики.

В зетско-сьеницких говорах предлог *od* в конструкциях с притяжательным значением имеет достаточно высокую частотность и широкое поле употребления.⁷ Приведу примеры которые являются результатом различных семантических сдвигов в рамках категории притяжательности:

- А) конструкции со значением «член/члены семьи определенно-го человека», где семейную принадлежность можно выразить притяжательным прилагательным, образованным от данного существительного: *бљеу ли отишли у млин од Богдана* ‘ушли ли на мельницу богдановские (т.е. члены семьи Богдана)’, *ако те виде од војводе* ‘если тебя увидят воеводины (люди)’ (ИЦГ. С.

⁷ О расширении спектра значений и сфер употребления этой конструкции в народных говорах в Черногории писал А.Н. Соболев. См. *Соболев А.Н.* Заметки о падежных системах сербохорватских говоров контактных зон // *Јужнословенски филолог*. Београд, 1990. № XLVI. С. 16–19.

- 97), *оте ли од Паја на Сињавину* ‘намереваются ли пайины (т.е. члены семьи Пайи) отправиться на Синявину’ (Бјел. С. 125);
- Б) конструкции со значением «источник, происхождение чело- века или предмета»: *млеко о краве* ‘коровье молоко’, *сир од овце* ‘овечий сыр’ (Мрк. С. 298), *месо од овце* ‘баранина’ (Црм. С. 510–511), *ово ми је дијете о сестре* ‘это ребенок/сын моей сестры’ (Вр. С. 165);
- В) конструкции со значением «часть предмета и весь предмет»: *праг от куће* ‘порог дома’ (Црм. С. 510–511), *врата о града* ‘городские ворота’ (Мрк. С. 365), *на прак от куће* ‘на порог(е) дома’ (Вр. С. 164);
- Г) в значении близком к чисто притяжательному значению у нас есть примеры: *домаћин от куће* ‘хозяин дома’ (Вр. С. 164), *кмет од села* ‘староста села’ (Црм. С. 510–511).

Хотя в старочерногорских говорах употребление притяжательного прилагательного последовательнее чем в современном литературном языке, мы и здесь встречаем проникновение предлога *од* в примерах типа *траг од лисице* ‘след лисы’, *на мос од Рибнице* ‘на мост(у) через Рибницу’ (СЦГ. С. 187).

Эти примеры в сербской диалектологии рассматривались как результат романского влияния, хотя М. Пижурица считает, что в некоторых случаях «конкретная идентификация источника влияния» осложнена, поскольку некоторые признаки характерны для большого числа языков, которые могли быть в контакте: «Романский субстрат, а возможно и албанский, могли решающим образом повлиять на раннее проявление диалектной дифференциации черногорских народных говоров».⁸ Необходимо сказать, что в частотных топонимических словосочетаниях, типа *Грло од Мртвице*, А.Н. Соболев видит полную структурную идентичность с аналогичными албанскими топонимическими названиями.⁹ Такие влияния и ими вызван-

8 *Pižurica, Mato. Tragovi međujezičkih dodira u govorima Crne Gore // Crnogorski govori. Naučni skupovi CANU 12. Titograd, 1984. С. 87.*

9 См. *Соболев. Заметки о падежных системах. С. 18.*

ные диалектные явления завоевывали преимущественно южные части Черногории, но мы можем проследить продвижение некоторых диалектных моделей и за пределы границы распространения архаичных говоров Старой Черногории (говор округа Колашина, например). В целом следует заключить, что такие предложно-падежные конструкции в зетско-сьеницких говорах не вытеснили своих морфосинтаксических конкурентов и не являются единственно возможным средством выражения генитивного значения принадлежности. У белопапловичей, например, обычен беспредложный притяжательный генитив типа *на кућу стрица Мирка* (Бјел. С. 110).

На диаметрально противоположной стороне, на крайнем северо-западе сербской языковой территории, у екавцев Лики обнаружены примеры: *темеље от кућа* 'фундамент(ы) дома', *творнице од авијона* 'авиазаводы', *капетан од тога нашега кадра* 'глава этих наших людей' (Лик. С. 181). Примеры этого типа в говоре екавцев Лики указывают на возможное романское влияние из далматинской местности.

С другой стороны, расширение сферы употребления такой конструкции в косовско-ресавских говорах представляет собой в большей степени результат воздействия аналитических тенденций, распространяющихся с юго-востока. В косовско-ресавских говорах, в целом, беспредложный притяжательный генитив известная категория, но его употребление значительно сузилось из-за большой частотности притяжательного прилагательного и притяжательного датива (и у местоимений и у имен существительных¹⁰), но и вследствие распространения генитивной конструкции с предлогом

10 Указывая «признаки, которые характеризуют большинство говоров косовско-ресавского диалекта», и которые находятся «в наибольшей степени» именно в говорах Александровацкой жупы и в окрестностях Бруса, П. Ивич в список из 86 характеристик вносит и «широко распространенный притяжательный датив, в частности в адноминальных конструкциях типа *кућа Лазару Петровићу*». См. *Ивић, Павле*. Жупски говор као најтипичнији представник косовско-ресавског дијалекта // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 2003. № XLVI/1. С. 8–11.

од. Выражение категории принадлежности с помощью аналитических средств отмечено, например, в косовско-ресавских говорах Левача и Парачинского Поморавия. Приведу сначала примеры из Левача (Лев синт. С. 40): *до капије от предузећа* ‘до ворот предприятия’, *неке заставе од сви држава редом* ‘какие-то флаги всех государств по порядку’, *висе парчићи от коже* ‘висят кусочки кожи’. Говор Парачинского Поморавия по своему лингвогеографическому статусу находится в особой неразрывности с представителями балканского языкового союза и демонстрирует схождения с сильно балканизированными сербскими народными говорами крайнего юго-востока. В этом говоре, если судить по моим собственным полевым исследованиям,¹¹ часто употребляется притяжательная конструкция генитива с предлогом *од*. Она используется при указании на семейную принадлежность (Genitivus originis) несмотря на то, детерминировано ли существительное-посессор определением или лексема, относящаяся к существительному, является самостоятельной: *од Милошевог друга ћерка* ‘дочь одного из товарищей Милоша’, *дете од најбољег друга* ‘ребенок лучшего товарища’, *то ми од брата пашеног* ‘это моего брата свойственник (муж сестры жены)’, *ја сам од прве жене дете* ‘я ребенок первой жены’, *то ми од унуке свекрва* ‘это свекровь моей внучки’, *от ћерку унук* ‘дочкин внук’.¹² Когда речь идет об обозначении принадлежности и происхождения, которое может быть связано с человеком (или с любым существом) и с предметом, то предложно-падежная конструкция *од* + Г/ОП частотна в данном говоре: *од багрена лис* ‘лист акации’, *перце од гуске* ‘гусиное перышко’, *семе од тикве* ‘тыквенное семячко’, *јарам од говеду* ‘вололье ярмо’.

11 См. Милорадовић, Софија. Употреба падежних облика у говору Парачинског Поморавља. Балканистички и етномиграциони аспект. Посебна издања Етнографског института САНУ 50. Београд, 2003. С. 79–89.

12 Однако, если рядом с существительным-посессором имеется определение, то принадлежность в говоре парачинского района чаще всего выражается притяжательным дативом, что буду обсуждать больше в ходе второй части этой работы.

В связи с этой проблемой нет нужды говорить подробно о положении дел в призренско-тимокском диалекте, так как известно, что в этих говорах, принадлежащих к *балканскому языковому союзу* и в значительной степени отражающих балканские языковые процессы, роль предлога при структурировании именных конструкций является главной. Короче говоря, только в этих говорах категория притяжательности выражается в прямом смысле как «балканский аналитизм» – предложной *на*-конструкцией с общим падежом (*на* + ОП): *на мојега оца сестра* ‘сестра моего отца’, *чује се глас на деду* ‘слышно дедушкин голос’, *жена е газда на кућу* ‘жена – хозяйка дома’. Genitivus originis с предлогом *од*, судя по данным из диалектологических монографий, не является очень частой конструкцией в призренско-тимокских говорах.¹³ Приведу несколько примеров с конструкцией предлог *од* + ОП в генитивном значении принадлежности/происхождения: *од девера синови* ‘сыновья деверя’ (но: *родители на онога сина* ‘родители того сына’), *класје од њиву* ‘полевые колосья’ (ЦТ. С. 255–256); *пелцер од овуј ружу* ‘пыльца этой розы’, *прасе од вашу свињу* ‘вашей свињи поросенок’ (Буч 110).

Некоторые диалектные примеры свидетельствуют о том, что в говорах, которые сохраняют синтетический способ выражения падежных значений, время от времени в рамках семантической категории притяжательности может появиться обсуждаемая аналитическая конструкция. Так, помимо уже представленных примеров из говора екавцев Лики, в восточно-герцеговинских говорах на территории Черногории у нас есть одновременное употребление притяжательных прилагательных и притяжательного беспредложного

¹³ В этих говорах речь идет, конечно, об обобщении предлога *на* в результате конкурентного использования в притяжательных конструкциях этого предлога и предлога *од* в ходе исторического развития языка. Однако, здесь важно упомянуть и то, что одно из структурных различий между двумя поддиалектами призренско-тимокского диалекта – призренско-южноморавского и тимокско-лужницкого – это сохранение форм датива в первом и отсутствие их (точнее, редкое употребление) во втором указанном поддиалекте, что буду обсуждать больше во второй части этой работы. См. *Ивић, Павле*. Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штокавско наречје. Нови Сад, 1985. С. 113, 125.

генитива (Уск. С. 65), но и примеры типа *врата о школе* ‘дверь школы’, *циев от пушке* ‘ствол ружья’ (Кол. С. 197). В семберийском говоре, который принадлежит к восточно-герцеговинскому диалекту, мы встречаем примеры с прямой притяжательностью: *моји су коњи, од мог батальона* ‘это мои кони, моего батальона’ (Семб. С. 586), как и примеры типа: *огулимо од оне вишње (...) кору* (= огулимо кору оне вишње) ‘сдираем кору с той вишни’ (Семб. С. 587). Также из шумадийско-воеводинского диалекта я приведу примеры, записанные в одном говоре из региона Бачка: *газдачица от салаша* ‘хозяйка покоса (огорода, сада)’, *власник од ове куће* ‘хозяин этого дома’, *нисмо господари ни од чега* ‘мы ничему не хозяева’ (Гос. С. 221), но такие примеры здесь можно толковать как результат германского влияния, точнее – как дословный перевод соответствующей германской конструкции с предлогом *von*.

В заключение этого раздела о распространении употребления притяжательности генитивных конструкций с предлогом *od*, нужно сказать, что в двух областях сербского языкового пространства – на крайнем северо-западе и крайнем юго-западе – этот периферийный вариант можно назвать адриатизмом,¹⁴ в то время как в призренско-тимокских и косовско-ресавских говорах речь идет о балканизме. Но очевидно, что и в говорах, которые сохраняют синтетический способ падежного выражения определенных отношений, иногда в семантической категории притяжательности развивается анализм, в виде замены беспредложной падежной формы предложно-падежной конструкцией.

II

Анализ другого способа выражения посессивности включает в себя, во-первых, определение относительной географии распро-

14 Это термин, который Д. Брозович употребил для некоторых фонетических и морфологических особенностей, сосредоточенных в зоне Адриатики, но с тенденцией перехода в Динарскую зону. См. *Brozović, Dalibor. Longitudinalne jadranske heterodijalekatske izoglose. Crnogorski govori. Naučni skupovi CANU 12. Titograd, 1984. С. 142.*

странения присубстантивного притяжательного датива как одной из синтаксических формальных экспликаций для выражения прямой принадлежности (*моме оцу кућа* ‘дом моего отца’) и так называемой семейной принадлежности (*моме оцу сестра* ‘сестра моего отца’) и, во-вторых, рассмотрение частотности употребления этой экспликаций в трех диалектных единицах на территории Сербии – смедеревско-вршацкой, косовско-ресавской и призренско-тимокской.

Известно, что адноминальный притяжательный датив в функции обозначения принадлежности в «большинстве диалектов и в литературном языке встречается нечасто (адвербиальное употребление более частотно). Чаще всего он встречается в диалектах на востоке, в призренско-тимокском и косовско-ресавском».¹⁵ Однако полевые сведения из Смедеревского Подунавия¹⁶ свидетельствуют о влиянии косовско-ресавского миграционного потока. Много примеров присубстантивного притяжательного датива записано в моравском селе Враново (*то је мојем мужу фамилија* ‘это семья моего мужа’, *њонем стрицу кућа* ‘ее дяди дом’, *колиба ди је била тим мојим овем пасинку* ‘где была хижина того моего пасынка’, *ово оде мојим деверу био плац* ‘вот здесь был участок моего деверя’), меньше в Суводоле (*син мојем деверу* ‘сын моего деверя’, *баба том девојцици – Станица Павић* ‘бабушка этой девочки Станица Павич’), а всего несколько примеров в остальных селах этой области, где доминирует притяжательный генитив. Так, и в смедеревско-вршацком говоре села Чумича можно услышать примеры типа *њеној другарици отац има малу плату* ‘у отца ее подруги маленькая зарплата’ (Чум. С. 146).

Присубстантивный притяжательный датив, по данным диалектологической литературы, на территории косовско-ресавского диалекта интенсивнее в употреблении, чем в литературном языке. Исследователи отметили большое количество примеров так называемой связанной притяжательности типа *кућа моме оцу* (= *кућа мога*

15 Ивић, Павле. *О говору галипольских Срба* (Београд, 1957). С. 344.

16 Эти данные любезно предоставил коллега Жарко Бошнякович, за что я ему искренне благодарна.

оца) ‘дом моего отца’, то есть параллельное употребление притяжательного генитива и притяжательного датива, в некоторых говорах – и более значительную частотность притяжательного датива, которая в одной части территории Большого Поморавия привела к полному вытеснению из употребления формы притяжательного беспредложного генитива. Когда речь идет о косовско-ресавских говорах в целом, то уже давно было отмечено отсутствие в них притяжательных адноминальных *на*-конструкций.¹⁷

В монографии о ресавских говорах нет, к сожалению, синтаксического раздела, но приведу примеры, которые иллюстрируют падежные окончания датива у существительных всех трех родов: *то је твојему оцу фамилиа* ‘это семья твоего отца’, *то је твојем пријатељу бостан* ‘это бахчевые твоего друга’ (Рес. С. 303), *мојем оцу мајке баба* ‘бабушка матери моего отца’ (Рес. С. 323). В говоре Левача притяжательный генитив встречается значительно реже чем притяжательный датив: *овем Миленку унук* ‘внук этого Миленко’, *у моем тече виноград* ‘в виноградник(е) моего дяди по тете (мужа моей тети)’, *Драгутину овем дућан* ‘магазин этого Драгутина’ (Лев синт. С. 30, 98). Адноминальный притяжательный датив является высокочастотной категорией в трстенинском говоре, особенно в его восточной части: *у Миломиру Ђосићу лозе* ‘в виноградник(е) Миломира Чосича’, *њиве онем Лепенцу су биле* ‘поля принадлежали тому Лепенцу’ (Трс. С. 167). В говоре Александроваца и Бруса часто употребляется притяжательный датив вместо притяжательного генитива: *ово е жена нашем учитељу* ‘это жена нашего учителя’, *то е сестра моме другу* ‘это сестра моего товарища’ (Брус. С. 312). В следующих примерах из Лукова проиллюстрировано очень живое употребление притяжательного датива: *она је ћерка Марку Недельковићу* ‘она дочь Марка Недельковича’, *он је твоом човеку рођак* ‘он родственник твоего мужа’ (Лук. С. 130). В говоре села Мрче в куршумлийской области часто употребляется притяжательный датив: *сестра овем човеку* ‘сестра этого человека’, *говедо твоом деверу*

17 См. *Соболев А.Н.* Категория падежа на периферии балканославянского ареала // *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику.* Нови Сад, 1991. № XXXIV/1. С. 136.

‘коровы твоего деверя’ (Мр. С. 35). Датив в говоре Парачинского Поморавия очень часто находится в словосочетании с существительным и выражает прямую принадлежность, в рамках двух связей: *лицо – лицо* и *лицо – предмет* (ПП. С. 135–142). Он гораздо чаще употребляется для этой цели, чем синонимичная ему предложно-падежная конструкция *од + Г/ОП*, а из употребления полностью вытесняется форма притяжательного беспредложного генитива: *мојем унуку два детета* ‘два ребенка моего внука’, *они сви вичу да је другом човеку дете* ‘все говорят, что это ребенок другого мужчины’, *Љубише ветеринару жена* ‘жена ветеринара Любиши’, *ел знаш Марку Буринем ћерка ге је* ‘знаешь ли, где дочь Марка Дзюррина’, *исто моје братанице као чоек* ‘то же, что и муж моей племянницы’,¹⁸ *овем детету деда* ‘дедушка этого ребенка’, *мојем унучету другар* ‘товарищ моего внука’; *да пита де тем човеку кућа* ‘спросить, где дом того человека’, *то њенем мужу плац* ‘это ее мужа участок’, *у мојем комшије двориште наиђе* ‘зашел во двор моего соседа’, *Стеве Митинем колиба* ‘хижина Стевы Митина’; ср. также и формы во множественном числе: *он дошо у мојима родитељима кућу* ‘он приехал/пришел в дом моих родителей’, *она је из добрема људима куће* ‘она из дома/семейства хороших людей’.

В фундаментальной диалектологической литературе находим, что в большей части призренско-тимокских говоров для выражения притяжательных значений используются конструкции без флексии (*на + ОП*, значительно реже и *од + ОП*; см. в первой части этого текста), в то время как в некоторых из них (преимущественно в призренско-южноморавских говорах) существуют особые формы да-

18 Когда речь идет о косовско-ресавских говорах, если учесть морфологический (окончание *-e*), а чаще всего просодический синкретизм генитива и датива у существительных женского рода в единственном числе, то утверждение, что в таких и похожих примерах идет речь о дативе, я основываю на том факте, что у существительных мужского и среднего рода, где не существует синкретизма форм, нет подтверждения смешения генитива и датива. Так же у существительных м.р., которые принадлежат ко второму типу склонения, определение, которое находится рядом с прямой лексемой существительного, четко свидетельствует о том, что это форма датива.

тива с притяжательной функцией, как более архаическое решение, то есть реликты старой системы склонения, которые «пережили аналитизм».¹⁹ Говор Алексинацкого Поморавия сохранил особые формы датива с притяжательной функцией у всех типов склонения: *моем брату шурак* ‘шурин моего брата’, *до моем комишије вратницу* ‘у дверей моего соседа’ (АП. С. 152–153). Богданович подчеркивает, что «такие формы Д существуют наряду с формами ОП (*на мою мајку отац* ‘отец моей матери’, *на млађега сина ћерка* ‘дочь младшего сына’ – Он же. С. 239, прим. С. М.) для одних и тех же функций и не ощущаются как необычные или ‘устаревшие’» (Тот же. С. 153). Он подчеркивает, что в говорах Сврлига в таких случаях употребляется *на*–конструкция (Он же. С. 152, сноска 275). В говоре Запланья встречаемся и с употреблением датива, и с употреблением конструкции *на* + ОП для выражения притяжательности: *овому едан син* ‘один сын вот этого (человека)’ (так и: *штала човеку* ‘загон (это) человека’); *она е ујна на тога Раче* ‘она тетка этого Раче’ (так и: *на овија е амбар* ‘(этот) амбар вот этих (людей)’) (Зап. С. 223, 226). В Бучуме притяжательность выражается конструкцией *на* + ОП (*то је дете на Радена и на Раду* ‘это ребенок Радена и Рады’) (Буч. С. 117). Так и в Лужнице: *на Славка Бранкоскога шталу нећи запалил* ‘загон Славко Бранкоского кто-то поджег’ (Луж. С. 65). В говорах Понишавия притяжательное значение формализуется общим падежом с предлогом *на*: *на мојега оца сестра седам детета имала* ‘у сестры моего отца было семеро детей’, *на моју тетку син* ‘сын моей тетки’ (Пониш. С. 155). Когда речь идет о говорах Черной Травы и Власины, то там записаны примеры типа: *од оца мајка* ‘мать отца’, *ћерка од брата* ‘дочь брата’ (ЦТ. С. 1996). Зарегистрировано и *родители на онога сина* ‘родители того сына’ (ЦТ. С. 256), без каких-либо комментариев о частотности притяжательных конструкций присущих этому говору.

Приведенные диалектные примеры дают возможность установить относительную «динамику формального перераспределения» определенных формальных экспликаций для выражения притяжательности на территории трех сербских диалектов в на-

19 См. *Ивић*. Дијалектологија. С. 112.

правлении север – юг. Рассматривая процитированный материал сербских народных говоров, мы устанавливаем синхроническую цепь, которая очевидно отражает (или подражает) установленный диахронический порядок, свидетельствуя о способе прорыва дати-ва в субстантивные притяжательные синтагмы – на основании семантической аналогии генитивных и дативных падежных синтагм: притяжательный генитив//притяжательный датив → притяжательный датив//притяжательный генитив → притяжательный датив → притяжательный датив//на-конструкция → на-конструкция//притяжательный датив → на-конструкция.

Синтетический способ выражения грамматических значений, как нам известно, считается фундаментальным для славянской языковой структуры. Однако в один исторический период имела место смена общеславянской синтетической тенденции тенденцией аналитического характера. Сегмент исторического синтаксиса в части замены притяжательного генитива дативом и формирования нового средства выражения *притяжательности*, аналитического по своему характеру, обработала по данным письменных источников А. Минчева в своем монографическом исследовании, посвященном развитию притяжательного датива в болгарском языке.²⁰ Так, можно проследить за цепочкой развития притяжательного датива и его функциональной аналитической параллели: (1) существование близких по значению средств (генитив/датив) для выражения притяжательности, (2) в ряде случаев на месте одних синтаксических конструкций (генитив) параллельно с ними функционируют соответствующие, первоначально синонимичные синтагмы (датив), (3) они на определенном этапе своего функционирования превращаются в дублиеты (датив) некоторых конструкций с которыми вступили во взаимодействие при выражении определенных семантических отношений, (4) обобщение одного средства (датив), как замена другого, старого (генитив), для обозначения принадлежности, (5) установление аналитической конструкции (*на* + ОП) как функциональной параллели предыдущей флективной.

²⁰ См. *Минчева, Ангелина*. Развой на дателния притежателен падеж в българския език. София, 1964.

Случаи замены притяжательного генитива дативом появляются уже в старославянских текстах и встречаются на различных стадиях развития практически всех славянских языков. Известно, что ни в одном из современных балканских языков нет особых флективных форм генитива и датива, потому что отождествились их первоначальные формы и функции.²¹ Как уже сказано в самом начале этого текста, слияние притяжательных функций генитива и датива и обобщение присубстантивного притяжательного датива, представляют собой одну из значительных особенностей определенных сербских диалектических формаций, а касательно косовско-ресавского говора Парачинского Поморавия – в котором адноминальный датив полностью получает общий характер за счет беспредложного притяжательного генитива – свидетельствует об его особой склонности к анализируемому и этот анализ «предсказывает».²² Подтверждение факта «слияния» притяжательных функций генитива и датива – как предшественника уничтожения флективной формы – находим и в следующей констатации П. Ивича: «(...) вместо датива используется *на* + та же форма (*казала на царску ћерку* 'сказала царской дочери'), но эта же конструкция употребляется и для притяжательного

21 О синкретизме генитивной и дативной падежной формы в языках балканского языкового союза см. *Асенова, Петя*. Балканско езиковзнание. Основни проблеми на балканския езиков съюз. София, 1989. С. 59–61. Автор считает, что в самих балканских языках существовали условия для отождествления этих двух падежных форм и что межъязыковые контакты лишь укрепили одну общую тенденцию (Она же. С. 61). Эту замену одного синтаксического средства другим объясняет З. Тополинска, выделяя сферы совпадения функциональных зон генитива и датива. См. *Тополинска, Зузана*. Дативниот однос и кирилometодиевското јазично наследство // Кирилometодиевскиот период и кирилometодиевската традиција во Македонија. Скопје, 1988. С. 153–158.

22 С другой стороны, поддержку этой дистрибуции формальных экспликаций притяжательного отношения на территории центральной Сербии предоставляет исключительно огромное число примеров дативных энклитик с притяжательной функцией, то есть значительная функциональная нагрузка кратких дативных форм и расширение местоименных клитик в балканских славянских системах.

значения (*кућа на мојега брата* ‘дом моего брата’), что означает, что до упрощения системы склонения это значение обозначалось дативом, а не генитивом». ²³ В связи с этим, имея в виду материал из определенных сербских народных говоров, мы четко устанавливаем процессы из прошлого: те функции, которые разъединяли генитив и датив на два падежа, больше не могли играть роль в определении оттенка их притяжательных употреблений. Два употребления выравнялись и создавалась возможность не употреблять один из двух падежей с определенным значением. Притяжательный генитив существительного уступил место притяжательному дативу. ²⁴

* * *

Здесь была проделана попытка рассмотреть два способа выражения притяжательности в сербских народных говорах на фоне анализитизации, то есть на фоне определенных конвергентных процессов в рамках «языкового союза» сербских народных говоров. Через два отношения, которые нельзя рассматривать отдельно друг от друга, заранее установленных для процесса балканизации/анализитизации, можно представить и эти два способа организации синтаксических формальных экспликаций для высказывания категории притяжательности в сербских народных говорах: (1) отношение между юго-восточными и северо-западными территориями, (2)

23 *Ивић*. Дијалектологија. С. 112.

24 Большинство конструкций, приведенных в качестве примеров употребления субстантивного притяжательного датива в упомянутых народных говорах, отличаются синтаксической маркированностью. А именно, употребление датива в них обусловлено обязательным присутствием детерминатора, и датив таким образом является связанной падежной формой. Поскольку в сербском языке вообще употребление беспредложного притяжательного генитива встречается практически только тогда, когда существительное стоит с определением, постольку и притяжательный датив, относящийся к существительному, «завоевав» семантическую сферу выражения отношений принадлежности генитивом, редко может быть выражен как свободная падежная форма.

отношение между центральными и периферийными зонами сербского языкового пространства. Географическое направление юго-восток – северо-запад подразумевает очевидное распространение аналитических характеристик в уменьшенном объеме. Касательно отношения между языковым центром и языковой периферией можно сказать, что в периферийных типах говоров развиваются живые билингвистические процессы, что результаты языковых пересечений и смешений значительнее, и что в периферийных диалектных комплексах аналитизмы присутствуют в большей степени. Поэтому распространение аналитических инновационных волн из высокобалканизированных сербских говоров крайнего юго-востока, которые – с точки зрения балканской лингвистической территории – являются близкими балканскому центру инноваций – и инициация аналитизма под структурным влиянием соседних, преимущественно неславянских языков в прямом языковом контакте представляют собой важные двойные причины аналитических изменений в сербских народных говорах. В этом очерке, на примерах из говоров трех сербских диалектов, указано и на следующее: синхронное состояние в сербских народных говорах представляет определенный вид реинтерпретации исторического развития средств выражения притяжательности в субстантивных конструкциях. Представляя данные из этих диалектов, особенно из одного косовско-ресавского говора, я попыталась *откликнуться* на предложение А.Н. Соболева, которое я цитировала в первой части этой работы, а которое относится на говоры косовско-ресавской зоны как на один из двух необходимых источников информации «по истории балканославянских языков».

Источники

- АП:** *Богдановић, Неделько.* Говор Алексиначког Поморавља. СДЗб XXXIII. Београд, 1987. С. 7–302.
- Бјел:** *Ђунић, Драго.* Говор Бјелопавлића. СДЗб XXIII. Београд, 1977.
- Брус:** *Алексић, Радомир и Вукомановић, Славко.* Основне особине александровачког и брусског говора. Анали Филолошког факултета VI. Београд, 1966. С. 291–319.
- Буч:** *Богдановић, Неделько.* Говори Бучума и Белог Потока. СДЗб XXV. Београд, 1979.

- Вр:** *Петровић, Драгољуб*. Из синтаксичке проблематике говора Врачанна. Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду XVII/1. Нови Сад, 1974. С. 161–182.
- Гос:** *Поповић, Иван*. Говор Госпођинаца у светлости бачких говора као целине. Посебна издања САНУ. Књига CDXXV. Одељење литературе и језика. Књига 21. Београд, 1968.
- Зап:** *Марковић, Јордана*. Говор Запања. СДЗб XLVII. Београд, 2000. С. 7–307.
- ИЦГ:** *Стевановић, Михаило*. Источноцрногорски дијалекат. ЈФ XIII. Београд, 1933–1934. С. 1–129.
- Кол:** *Пижурица, Мато*. Говор околине Колашина. Посебна издања ЦАНУ. Књига 12. Одјељење умјетности, Књига 2. Титоград, 1981.
- Лев синт.:** *Симић, Радоје*. Синтакса левачког говора I. СДЗб XXVI. Београд, 1980. С. 1–146.
- Лик:** *Драгичевић, Милан*. Говор личких јекаваца. СДЗб XXXII. Београд, 1986. С. 7–241.
- Луж:** *Ђирић, Љубисав*. Говор Лужнице. СДЗб XXIX. Београд, 1983. С. 7–119.
- Лук:** *Грковић, Милица*. Неке особине говора села Лукова. ППЈ 4. Нови Сад, 1968. С. 121–131.
- Мр:** *Радић, Првослав*. Цртице о говору села Мрче у куршумлијском крају. СДЗб XXXVI. Београд, 1990. С. 1–74.
- Мрк:** *Вујовић, Лука*. Мрковићки дијалекат. СДЗб XVIII. Београд, 1969. С. 73–399.
- Пониш:** *Ђирић, Љубисав*. Говори Понишавља. СДЗб XLVI. Београд, 1999. С. 7–262.
- ПП:** *Милорадовић, Софија*. Употреба падежних облика у говору Параћинског Поморавља. Балканистички и етномиграциони аспект. Посебна издања Етнографског института САНУ 50. Београд, 2003.
- Рес:** *Пецо, Асим и Милановић, Бранислав*. Ресавски говор. СДЗб XVII. Београд, 1968. С. 241–367.
- Семб:** *Суботић, Љиљана*. Падежи са посесивним значењем у семберијском говору. ЗбФЛ XLIII. Нови Сад, 2000. С. 581–588.
- СЦГ:** *Пешикан, Митар*. Староцрногорски средњокатунски и љешански говори. СДЗб XV. Београд, 1965.
- Трс:** *Јовић, Душан*. Трстенички говор. СДЗб XVII. Београд, 1968. С. 1–239.
- Уск:** *Станић, Милија*. Ускочки говор II. СДЗб XXII. Београд, 1977. С. 1–157.

- Црм:** *Милетић, Бранко*. Црмнички говор. СДЗб IX. Београд, 1940. С. 209–663.
- ЦТ:** *Вукадиновић, Вилотије*. Говор Црне Траве и Власине. СДЗб XLII. Београд, 1996. С. 1–317.
- Чум:** *Грковић, Милица*. Употреба падежа у чумићком говору. ППЈ 4. Нови Сад, 1968. С. 133–159.

Сокращения названий научных журналов

- ЗбФЛ Зборник Матице српске за филологију и лингвистику, Нови Сад
ЈФ Јужнословенски филолог, Београд
ППЈ Прилози проучавању језика, Нови Сад
СДЗб Српски дијалектолошки зборник, Београд

Диалектологические области

